

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 100, Is. 11, pp. 729-736, 2015

DOI: 10.13187/er.2015.100.729
www.erjournal.ru

Philological sciences

Филологические науки

UDC 81'23:811.111

Functional and Semantic Transformations of the Pronouns Participating in Modeling the Image of the Main Character of the Novel "Orlando" By V. Vulf

¹Ella V. Nesterik

²Taissyia V. Maryshkina

¹ Karaganda State University named after E.A. Buketov, Kazakhstan
Mukanov Str., 1a, Karaganda city, Karagandinskaya Oblast 100026
PhD (philology), Assistant Professor
E-mail: ella_nesterik@mail.ru

² Karaganda State University named after E.A. Buketov, Kazakhstan
Mukanov Str., 1a, Karaganda city, Karagandinskaya Oblast 100026
Master's Degree Student (foreign philology)
E-mail: taisiya.maryshkina@inbox.ru

Abstract

The article examines the semantics and functions of the third person pronouns and the role they play in the novel "Orlando" by Virginia Vulf. It reveals the semantic loading of the pronouns and their influence on the formation of the main character's image. The authors apply quantitative analysis of the pronouns relating to the character Orlando. They come to the conclusion that the pronouns in the novel are not only indicators of gender specifics but also the main means by which the author models the image of the character and brings together all its parts.

Keywords: category of personality, main character's image, third person pronouns, semantics, functions.

Введение

Местоимения представляют собой один из самых специфических вопросов в лингвистике, оживлённые дискуссии вокруг которого продолжаются и до настоящего времени. Ещё М.В. Ломоносов, предложивший свою классификацию частей речи, которая впоследствии легла в основу современной частеречной системы, наряду с глаголом, причастием, наречием, предлогом, союзом и междометием выделил местоимение как отдельную часть речи. Данную теорию в своё время поддерживали А.Х. Востоков и Н.И. Греч, которые характеризовали местоимение как часть речи с исключительно заменительной функцией [1, 70]. Опираясь на представление о предмете, действии, признаке и признаке признака, А.М. Пешковский составил свою классификацию, выделив в отдельные группы существительное, прилагательное, глагол и наречие [2, 72-84]. Остальные

же части речи, включая местоимения, лингвист причислил к выделенным группам. В статусе самостоятельной части речи местоимению отказывали и такие видные учёные как А.А. Потебня и В.Н. Мигирин. Они, подобно А.М. Пешковскому, распределяли местоимения по знаменательным частям речи. Генри Суит предлагает группировку частей речи, основанную на синтаксическом функционировании классов слов, и местоимениям в ней отводится роль адъективных слов.

Причиной возникновения столь многих теорий и разногласий служит великое разнообразие функций местоимения, а также его специфическая семантика, которая совмещает в себе высокую степень обобщённости и отсутствие постоянной предметной отнесенности. Все явления в языке соотносятся с объективным миром, т.е. каждая языковая единица имеет свою форму и своё содержание, является своего рода знаком, обозначающим некое явление, имеющее место в окружающей нас реальности [3, 42]. Однако наличие конкретного лексического значения у местоимений отрицается. Им свойственна абстракция. Местоимение не называет ни предмет, ни его признак, а лишь указывает на них. Местоимение конкретизируется ситуацией, которая сужает его обобщённое значение к определённому явлению. Однако Д. Болинджер писал: «Наша ошибка заключается в том, что мы не видели разницы между степенью обобщённости значения и отсутствием значения» [4, 85].

Говоря о специфике художественной речи, нельзя не вспомнить В. Виноградова, который отмечал, что в «структуре художественного произведения происходит эмоциональнообразная, эстетическая трансформация средств общенародного языка» [5, 185]. Местоимение тоже входит в число языковых средств, из чего можно предположить, что, входя в состав художественного произведения, оно берёт на себя значительную эстетическую и смысловую нагрузку. Ограничение языкового пространства способствует тому, что слово становится семантически осложненным, а смысловые ассоциации углубляются.

Материалы и методы

Роман «Орландо» Вирджинии Вулф может послужить примером произведения, функции местоимений в котором выходят далеко за рамки грамматической аранжировки и референции, а их смысловая нагрузка играет значительную роль в реализации авторского замысла.

Обсуждение

Написанный в 1928 году, роман «Орландо» выходит за узкие рамки модернизма. В. Вулф придала своей работе элементы фантастики и пародии, черты авантюрного романа и вложила в него немалую долю философских рассуждений. Вулф пишет, что если мужское и женское начала не уравновешены в сознании, верх берёт интеллект в ущерб другим внутренним потенциям: губительно человеку пишущему думать односторонне. Нельзя быть просто женщиной или просто мужчиной по складу ума: нужно быть женственно-мужественным или же мужественно-женственным [6, 169]. Роман стал своеобразной художественной реализацией этой идеи.

Сама Вирджиния Вулф называла свой роман шуткой. Главный герой – Орландо – становится центром, вокруг которого разворачивается литературная игра: следуют одна за другой эпохи, ландшафты Англии превращаются в величественный Константинополь, на смену поместью приходит кибитка цыган, и даже пол Орландо, в начале произведения заявленный как мужской, к середине повествования становится женским. Однако внутренне главный герой – или героиня – остаётся прежним, и характер его, внешность и манеры таковы, что порой лишь местоимения помогают читателям понять, с кем они имеют дело: с женщиной или с мужчиной.

Гендерные особенности романа составляют один из важнейших элементов структуры текста и проявляются не только в его содержании, но и в самом языке. Лексика романа богата словами, имеющими маскулинную или феминную окраску. Это и описания внешности персонажа в обеих его (её) ипостасях, и психологические качества, и манера поведения Орландо. К примеру, в самом первом описании своего персонажа В. Вулф пишет:

We must admit that he had eyes like drenched violets. Тот факт, что внешность героя сравнивают с чем-то столь нежным, как цветы, указывает на некоторую женственность в Орландо. Однако герой В.Вулф, каким бы ни был его (её) биологический пол, совмещает в себе черты и мужского и женского характера. Так, даже после превращения в манерах Орландо остаётся мужская резкость: "Here she tossed her foot impatiently, and showed an inch or two of calf". Кроме того, гендерный аспект проявляется и в речевом поведении главного героя. Фраза Орландо "For I have done with men" отличается конструкцией с наименьшей эмоциональной индексацией, что свойственно маскулинной речи.

На морфологическом уровне гендерный признак проявляется через категорию рода. Категория рода характерна для грамматического строя индоевропейских языков, но развитие анализиума в английском языке привело к исчезновению родовых противопоставлений в именах. Категорию рода в «Орландо» определяют через местоимения.

Известно, что личные и притяжательные местоимения имеют отдельные формы для мужского, женского и среднего рода в третьем лице. Английские местоимения третьего лица имеют достаточно строгие разграничивающие их рамки. Так, местоимения *he* и *his* заменяют существительные, обозначающие существа мужского пола; местоимения *she* и *her* – существительные, обозначающие существа женского пола. Личное местоимение *it* и притяжательное местоимение *its* заменяют существительные, обозначающие неодушевленные предметы. Таким образом, проявление гендера в «Орландо» по большей части имплицитное, ведь местоимения – единственный внешний показатель рода существительных, без которого двойкий характер Орландо то и дело рисовал бы читателю то мужской, то женский образ, которые перетекали бы один в другой почти на каждой странице.

В романе В. Вулф все события и мысли представлены через призму сознания Орландо, внутреннего, субъективного восприятия героя, противоречия между «многослойностью» человеческого «я». Произведение пронизано единым мировоззрением, и местоимения выступают в роли организующей силы, объединяющей все признаки и грани персонажа Орландо в единое целое. Они формируют определённые смысловые образы и связывают с ними весь текст, что, несомненно, приводит нас к категории персональности.

Категория персональности является одной из наиболее характерных для языков мира, что позволяет считать ее универсальной. Поле персональности, формирующееся на ее основе, трактуется функциональной грамматикой как группировка разноуровневых (морфологических, синтаксических, лексических, а также комбинированных лексико-грамматических) средств данного языка, служащих для выражения различных вариантов отношения к лицу.

В настоящее время категорию персональности исследуют на двух разных уровнях: морфологическом и текстовом. Морфологическая категория персональности, получившая широкое описание в работах А.В. Бондарко, основывается на окончаниях в русском языке; в английском способами её выражения являются, среди прочего, личные и притяжательные местоимения, а также слова с признаком персональности в значении. Морфологическую категорию можно назвать категорией на уровне предложения. Текстовая же категория персональности строится на грамматических и лексических средствах. Она охватывает единицы большие, чем предложение. Для текстовой категории персональности ключевым является план повествования говорящего, который может взаимодействовать с планами повествования других говорящих. Все вместе они подчинены единому замыслу автора, согласно которому создаётся произведение и моделируется восприятие текста читателем.

А.В. Бондарко считает, что языковые семантические функции выступают как значения, "привязанные" к определенным морфологическим, синтаксическим, словообразовательным и лексическим средствам или их конкретным комбинациям в данном языке, и являются результатом процесса языковой интерпретации понятийных категорий [7, 72]. Связь между понятийными категориями как элементами смыслов, которые нужно выразить, и языковыми семантическими функциями постоянно актуализируется в речи, в конкретном высказывании.

В произведении «Орландо» некое содержание облекается в форму. Что примечательно, местоимения в романе всегда имеют одно и то же значение – персонаж

Орландо, однако они же влияют на смысл обозначаемого, придавая человеку черты мужчины или женщины. Местоимения «he», «his», «him» в начале книги и местоимения «she», «her» в конце подразумевают одного и того же персонажа, более того, персонажа целиком, а не только часть его личности, однако вносят одно немаловажное дополнение в его образ – пол.

В связи с этим интересно описание момента, когда Орландо, уснув мужчиной, просыпается уже женщиной. Когда В. Вулф описывает превращение Орландо в женщину, контекст «размыт». «Размытость» эта достигается тем, что при первом упоминании об Орландо не используется ни одно местоимение: «The sound of the trumpets died away and Orlando stood stark naked». Далее В. Вулф описывает наружность Орландо, явно давая понять, какие изменения произошли, но использует местоимения, свойственные мужскому полу: “His form combined in one the strength of a man and a woman's grace. As he stood there, the silver trumpets prolonged their note, as if reluctant to leave the lovely sight which their blast had called forth; and Chastity, Purity, and Modesty, inspired, no doubt, by Curiosity, peeped in at the door and threw a garment like a towel at the naked form which, unfortunately, fell short by several inches”. Автор нарочно путает читателя, играя на конфликте, который вызывает в сознании столкновение объекта женского пола и применение к нему семантически неверного местоимения. Лишь в следующем абзаце В. Вулф проясняет ситуацию, делая замечание, весьма громкое для её эпохи: “Orlando had become a woman – there is no denying it. But in every other respect, Orlando remained precisely as he had been”. Смена биологического пола никак не повлияла на главного персонажа, не затронула ни общие черты, ни память, ни характер. Единственное изменение, которое допускает автор, упоминается там же: “but in future we must, for convention's sake, say 'her' for 'his,' and 'she' for 'he'”. После этой строчки все местоимения, относящиеся к Орландо, являются местоимениями женского рода. Таким образом В. Вулф указывает, что единственная функция местоимения – это референция по отношению к главному персонажу. Однако эти же местоимения влияют на то, как именно читатель воспринимает Орландо, что, несомненно, является частью замысла автора.

Сама писательница разделила свой роман на шесть глав, однако мы выделим в нём две наиболее важные для нас части: ту, где Орландо предстаёт перед нами как юноша, и ту, где биография Орландо становится биографией женщины. Первая часть составляет сорок процентов текста, вторая, соответственно, шестьдесят. Примечательно, что, несмотря на эту небольшую разницу, количество местоимений третьего лица, указывающих на главного героя, отличается почти в два раза. В первых сорока процентах романа насчитывается тысяча шестьдесят девять местоимений мужского рода. Для референции к Орландо-женщине введено тысяча девятьсот шестьдесят одно местоимение (рисунок 1).

Рис. 1. Частота использования местоимений

Кроме того, если в среднем на страницу, посвящённую мужскому воплощению Орландо, приходится пятнадцать указывающих на главного персонажа местоимений, то в случае с Орландо-девушкой это число равно двадцати пяти. Нагнетание местоимений женского рода заметно возрастает сразу же после перевоплощения Орландо. Местоимение “she” в английском языке применяется, в основном, к женщинам и имеет яркую феминную окраску. В случае если речь идёт о неодушевлённых предметах, использование личного местоимения указывает на особое отношение говорящего к предмету, придание ему архитипичных женских черт – черт возлюбленной, матери, незащищённой девушки. Мы можем предположить, что В. Вулф умышленно предпочла местоимения имени собственному и наполнила ими текст в таком количестве, чтобы образ Орландо, вполне сформировавшийся в сознании читателя как мужской, претерпел в нём те же изменения, каким подвергается по сюжету романа. Многочисленные “she” и “her” тянут за собой все черты, присущие дочерям Евы, женскую мягкость и грацию, и заставляют нас «видеть» Орландо в её новом воплощении. И хотя автор ясно даёт понять, что ни лицо Орландо, ни характер не подверглись изменению, нельзя не признать, что местоимения в значительной степени влияют на то, какие именно свойства личности Орландо выдвигаются на первый план. Новоиспечённый пэр Англии ложится в постель мужчиной. К тому моменту, как Орландо покидает цыганский табор, она для нас уже полноценная женщина.

Ещё одной отличительной чертой, указывающей на уникальную роль местоимений в романе «Орландо», является частота использования имени собственного по отношению к главной героине. На тысячу шестьдесят девять местоимений в первой части повествования приходится сто восемьдесят восемь случаев использования имени Орландо. В следующих шестидесяти процентах текста это число равно двумстам тридцати восьми. Таким образом, лишь в четырнадцати процентах случаев В. Вулф называет Орландо-мужчину по имени, по отношению в Орландо-женщине это число падает до десяти с половиной процентов (Диаграмма 2). В целом, в восьмидесяти семи процентах случаев референтная функция ложится на местоимения (опуская фигурирующие в романе титулы).

Известно, что одной из отличительных черт грамматики английского языка является обязательное присутствие подлежащего в составе предложения. Зачастую именно это обуславливает частое употребление личных местоимений в романе. Не стоит забывать, что и притяжательные местоимения в структуре английских фраз встречаются гораздо чаще, чем в русском языке. Несмотря на это, во многих случаях, отдавая предпочтение употреблению местоимения или имени персонажа, В. Вулф руководствуется совершенно иными принципами.

Рис. 2. Соотношения использования местоимений и имени собственного

Особенность эта прослеживается с первых же слов: роман начинается с местоимения “he”. Кажется, что более целесообразно было бы представить главного героя, назвав его по имени, но для В. Вулфа этот ход имел особое значение – благодаря ему читатель, в первую очередь, видит мужчину – “He – for there could be no doubt of his sex...”. Как только персонаж возникает перед нашими глазами, В. Вулф даёт ему имя, упоминая его, однако словно между прочим, т.к. как речь идёт об отце героя: “Orlando's father...”.

Нагнетание местоимений прослеживается и в одном из стилистических приемов автора. Использование этого приёма характерно для описания тех моментов, когда Орландо пребывает в смятении, волнении, теряется в своих мыслях или же спешит. Например, когда королева Елизавета посещает особняк Орландо, забывшийся юноша сломя голову несётся в свои покои, чтобы привести себя в порядок перед аудиенцией с королевской особой. Чтобы показать стремительность его действий, В. Вулф дробит их на короткие предложения, которые, кроме того, сообщают Орландо солдатскую собранность, пусть и несколько комичную: “Orlando looked no more. He dashed downhill. He let himself in at a wicket gate. He tore up the winding staircase. He reached his room. He tossed his stockings to one side of the room, his jerkin to the other. He dipped his head. He scoured his hands. He pared his finger nails”. Тот же приём мы видим в случае, когда Орландо пытается поймать ускользающее вдохновение: “She dipped it again. The blot increased. She tried to go on with what she was saying; no words came”.

Как уже было сказано, имя Орландо фигурирует в романе гораздо реже местоимений. Зачастую автор отдаёт ему предпочтение в тех случаях, когда в ходе повествования вокруг Орландо возникают другие персонажи, совпадающие с Орландо по полу, или упоминается абстрактный образ. Так, когда внимание читателя фокусируется на приглашённом в дом Орландо поэте, автор старается не использовать местоимений в отношении Орландо во избежание путаницы. То же самое наблюдается, когда Орландо посещает светский приём, и на передний план выходит некая графиня, пользующаясь большим авторитетом. Однако тенденция применения местоимений возобновляется, как только Орландо остаётся в одиночестве. На корабле, возвращающем её в Англию, Орландо погружается в свои мысли. Она размышляет о природе женщин, к которым может отнести теперь и себя, об их судьбе и отношении с мужчинами, и в одном отрезке этого длинного внутреннего монолога на восемьсот одиннадцать слов не приходится ни одного упоминания имени Орландо. Описывая отношения влюблённого Орландо и русской княжны Саши, В. Вулф использует местоимение мужского рода. В конце книги, когда прогуливающейся по супермаркету Орландо грезится образ этой же княжны, автор использует по отношению к героине имя собственное.

Не раз упоминается любовь Орландо к природе, охоте и собакам. Собак у Орландо множество, и они проявляют самую преданную симпатию к Орландо вне зависимости от пола персонажа. В момент, когда хозяйкой овладевает тоска, одна из собак выказывает ей поддержку: “The spaniel licked Orlando with her tongue. Orlando stroked the spaniel with her hand. Orlando kissed the spaniel with her lips”. В данном случае использование местоимений третьего лица служит нескольким целям. С одной стороны, становится ясно, что спаниель – самка, и тогда её поведение наводит на мысли о женской солидарности. С другой стороны, указание на то, что Орландо поцеловала собаку «своими губами» придаёт героине больше феминности, так как подобный жест для мужчин не характерен. И, конечно, это показывает глубокую симпатию Орландо к питомице.

Вся сила имени персонажа, однако, проявляется в том, что оно разом соотносится со всеми ипостасями Орландо, будь то незрелый юноша, поэт, затворник, Английский посол, цыганка, леди, аристократка, андрогин или успешная писательница. Имя связывает их всех воедино. Неслучайно В. Вулф использует именно его, говоря о моральном взрослении своей героини: “Orlando was growing up...”. И когда, прожив триста лет, героиня теряет во времени и пытается чётко обозначить границы того, кем же она является, вновь появляется имя: “So Orlando, at the turn by the barn, called 'Orlando?' with a note of interrogation in her voice and waited. Orlando did not come”. Кто же здесь «Орландо»? В. Вулф наполняет это имя всем тем, что связывает мужчину и женщину, посла и супругу, поэта и мать. И этот факт возвращает нас к эпизоду, когда Орландо погружена в свои мысли, стоя на палубе корабля.

“Heavens!” she thought, ‘what fools they make of us – what fools we are!’”. Говоря о мужчинах, Орландо думает «мы», что, несомненно, выдаёт тот факт, что персонаж В. Вулф относится и к тому, и к другому полу в равной степени. “Ignorant and poor as we are compared with the other sex” – думает Орландо, на этот раз уже о себе как о части женского сообщества.

Среди всех приключений, случившихся с Орландо, есть и то, где она, будучи уже женщиной, по старой привычке надевает на себя свои юношеские наряды и отправляется на улицы Лондона. Здесь В. Вулф ловко «жонглирует» всеми доступными ей средствами, чтобы в один миг перед читателем сменили друг друга все стороны Орландо. Для читателя Орландо всё ещё женщина, шутливая притворщица, но стоит посмотреть на неё глазами случайных встречных, и вновь возвращается образ Орландо-мужчины, который, в действительности, всегда где-то поблизости. “Orlando swept her hat off to her in the manner of a gallant paying his addresses to a lady of fashion in a public place. The young woman raised her head. It was of the most exquisite shapeliness. The young woman raised her eyes. <...> Through this silver glaze the young woman looked up at him (for a man he was to her) appealing, hoping, trembling, fearing”.

Выводы

Таким образом, мы видим, что местоимения в романе «Орландо» это не просто субституты, призванные разнообразить текст и актуализировать персонажей. Их тематические компоненты, такие как «одушевлённость» и «половая принадлежность», углубляются по мере повествования, им сообщается значительная семантическая нагрузка, благодаря чему становится возможным показать многогранность и образ мысли главного героя. По отношению к второстепенным персонажам местоимения не более, чем слова с непостоянной сигнификацией. В то же время местоимения, указывающие на Орландо, не только выступают организующей силой произведения и формальным показателем гендерной специфики, но и сообщают персонажу дополнительные характеристики, немаловажные для всего сюжета. Т.И. Сильман высказывала следующую мысль по отношению к лирическому тексту: «слово выступает... как бы в форме своеобразного двуликого Януса с двумя профилями, глядящими в противоположные стороны: назад и вперед» [8, 164]. В романе В. Вулф в качестве этих «двуликих» слов выступают местоимения. Тесно связанные с многогранным образом Орландо, они становятся семантически осложнёнными. С одной стороны, местоимение в Орландо – это средство языка, которое указывает на предметы, но не называет его. С другой стороны, это средство, при помощи которого автор конструирует образ главного героя.

Примечания:

1. Шведова Н.Ю. (Ред.). Грамматика 1980 – Русская грамматика, Т.1. М.: Наука. 1980. 176 с.
2. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938. 342 с.
3. Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 2007. 575 с.
4. Bolinger D. Meaning and Form. London-N. Y.: Longman, 1977. 212 p.
5. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. М., 1972. 365 с.
6. Эти загадочные англичанки...: Э. Гаскелл, В. Вулф, М. Спарк, Ф. Уэлдон пишут о сестрах Бронте, М. Шелли, Д. Остен: пер. с англ. [Текст] / сост. и авт. предисл. Гениева Е.Ю. М.: Рудомино, 2002. 509 с.
7. Бондарко, А.В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978.–176 с.
8. Сильман Т.И. Заметки о лирике. Л., 1977. 224 с.

References:

1. Shvedova N.Yu. (Red.). Grammatika 1980 – Russkaya grammatika, T.I. M.: Nauka. 1980. 176 s.
2. Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii. M., 1938. 342 s.
3. Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'. M.: Infra-M, 2007. 575 s.
4. Bolinger D. Meaning and Form. London-N. Y.: Longman, 1977. 212 p.
5. Vinogradov V.V. Poetika russkoi literatury. M., 1972. 365 s.

6. Eti zagadochnye anglichanki...: E. Gaskell, V. Vulf, M. Spark, F. Ueldon pishut o sestrah Bronte, M. Shelli, D. Osten: per. s ant. [Tekst] / sost. i avt. predisl. Genieva E. Yu. M.: Rudomino, 2002. 509 s.
7. Bondarko, A.V. Grammaticheskoe znachenie i smysl. L.: Nauka, 1978.–176 c.
8. Sil'man T.I. Zametki o lirike. L., 1977. 224 c.

УДК 81'23:811.111

Функционально-семантические преобразования местоимений, участвующих в моделировании образа главного персонажа романа «Орландо» В.Вулф

¹Элла Владимировна Нестерик

²Таисия Владимировна Марышкина

¹ Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан
100026, Карагандинская область, г. Караганда, ул. Муканова 1а
Кандидат филологических наук, доцент
E-mail: ella_nesterik@mail.ru

² Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан
100026, Карагандинская область, г. Караганда, ул. Муканова 1а
Магистрант (иностранный филология)
E-mail: taisiya.maryshkina@inbox.ru

Аннотация. В статье исследуются семантика и функции местоимений третьего лица, а также роль этих местоимений в романе Вирджинии Вулф «Орландо». Выявляется семантическая нагрузка местоимений и её влияние на формирование представлений о главном герое Орландо. Проводится количественный анализ местоимений, относящихся к данному персонажу. Авторы приходят к выводу, что местоимения в романе являются не только показателем гендерной специфики, но и основным средством, благодаря которому автор моделирует образ своего героя и связывает все его части воедино.

Ключевые слова: категория персональности, образ главного героя, местоимения третьего лица, семантика, функции.